А. Ю. ВЕСЕЛОВА

А. Т. БОЛОТОВ И П. З. ХОМЯКОВ. РОМАН ИЛИ МЕМУАРЫ?

В России споры о жанре романа занимают значительное место в литературной полемике примерно со второй половины XVIII века. Изучение данной проблемы необходимо вести и с учетом тех текстов, которые были написаны в этот период, но не были опубликованы и, следовательно, остались неизвестны современникам. Подобного рода тексты тоже являются литературным фактом эпохи и должны быть введены в научный оборот. Особый интерес могут представлять критические суждения, обнаруживающие «чистоту жанрового мышления» автора. К таким авторам относится А. Т. Болотов, в 1790 году завершивший создание сборника «Мысли и беспристрастные суждения о романах как оригинальных российских, так и переведенных с иностранных языков».[1] Сборник представляет собой беспрецедентное для русской критики второй половины XVIII века явление, так как содержит 50 статей о русских и переводных романах (написано было 100, но вторая часть не сохранилась). В целом, в данном сборнике Болотов стремился к объективности, и «беспристрастность» суждений была декларирована в предисловии. Но при анализе статей сборника можно обратить внимание на то, что рецензируемые произведения во многом оцениваются исходя из их соответствия сложившемуся у Болотова представлению о жанре романа. Поэтому наиболее серьезные замечания касаются жанровой невыдержанности того или иного произведения. Среди таких произведений, подвергавшихся особенно строгой критике, выделяется книга П. З. Хомякова «Похождение некоторого россиянина, истинная повесть, им самим писанная»,[2] так как посвященная ей статья обращает на себя внимание резкой критичностью: «Сочинитель

---

[1] *Болотов А Т* Мысли и беспристрастные суждения о романах как оригинальных российских, так и переведенных с иностранных языков Андрея Болотова РО ИРЛИ, ф 537, ед хр № 14, 173 л Далее цит по выборочной публикации *Кучеров А* Мысли и беспристрастные суждения о романах как оригинальных российских, так и переведенных с иностранных языков Андрея Болотова // Литературное наследство М ,1933 Т IX–X С 192–221

[2] *Хомяков П З* Похождения некоторого россиянина, истинная повесть, им самим писанная Содержащая в себе историю его службы и походов с приключениями и слышанными им повестями М , 1770 Ч I–II

© А Ю Веселова, 2002

оной есть действительно россиянин, и сочинение сие оригинальное российское самых последних времен, но сочинение такое, которым отягощена только публика к истинной досаде всех любителей литературы и которое не к славе, а к бесчестию наших российских писателей служит».[3] Болотов считает книгу Хомякова не просто плохой, но даже вредной, такой, которую бы следовало запретить, так как она «приносит собой худую честь нашему отечеству и всего меньше достойна занимать место в библиотеках, а разве только для единого свидетельства и доказательства тому, до чего может простираться самолюбие и охота к прославлению себя писаниями и что может происходить от вольности печатания книг в разных типографиях и от недостаточности цензуры оным».[4] Очевидно, что Болотов относит «Похождения некоторого россиянина...» к определенному типу повествования, «жанру», и возмущение его вызывает не само существование подобного рода произведений, а способ его реализации Хомяковым: «Надпись объясняет уже довольно, какого рода сия книга, и сочинитель не солгал, назвав ее истинною повестью, а почему она и не принадлежит к романам, если б не утаены были имена, то могла б относиться более к историческим или паче биографическим книгам, буде она такового названия достойна быть может».[5]

Рассматривая книгу Хомякова как мемуары, Болотов не отрицает ценность мемуарного повествования как такового: «Наконец, если может произойтить от сей книги впредь какая-нибудь польза, так разве в таком случае, если она столь счастлива будет, что удастся ей пробудить кого-нибудь иного из Россиян к такому предприятию, то есть к описанию своей жизни, однако не таким, а лучшим и порядочнейшим образом и слогом».[6] Последнее утверждение не удивительно, так как Болотов известен прежде всего как автор обширных мемуаров, и, возможно, именно себя Болотов подразумевал под россиянином, который мог бы описать свою жизнь «лучшим и порядочнейшим», чем у Хомякова, слогом. Подобное имплицитное противопоставление Болотовым собственных записок тексту Хомякова заставляет обратиться к сравнительному анализу мемуаров этих авторов.

«Похождение некоторого россиянина...» — это рассказ о 33 годах военной службы его автора. При этом ряд приведенных в книге фактов биографии Хомякова не просто перекликается, а почти совпадает с фактами биографии Болотова. Они оба из небогатой, но «честной» фамилии, оба с детства находились при полку, так как отцы их были офицерами, оба получили весьма скромное и непоследовательное образование, обладая при этом «врожденной склонностью к наукам».[7] Оба с детства были записаны в полк и начали службу, уже имея небольшой чин. Оба участвовали в Семилетней войне и в одно и то же время находились в Пруссии,

---

[3] *Болотов А. Т.* Указ. соч. С. 196.

[4] Там же. С. 197–198.

[5] Там же. С. 196.

[6] Там же. С. 198.

[7] Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. СПб., 1871. Т. I. С. 199.

обоим одинаково знаком армейский быт, которому отведено немало места в мемуарах. Есть в их произведениях и текстуальные совпадения, возможно, восходящие к какому-нибудь общему источнику. Некоторые из них отметил еще В. В. Сиповский[8], как например сцены расставания с городом, в котором размещался полк.

Болотов о Кёнигсберге

«Сколько дней, преисполненных веселием, прожито в тебе мною, град милый и любезный! Никогда не позабуду я тебя и время, прожитое в недрах твоих! Ежели доживу до старости, то и при вечере дней моих буду еще вспоминать все приятности, которыми в тебе наслаждался...»[9]

Хомяков о Торуне

«О прекрасные местоположения! вы до самого окончания моей жизни не можете вытти из моей памяти; да и возможно ли вас изгладить из оной, когда вам нигде не нахожу подобных?»[10]

Если сравнивать произведение Хомякова с той частью записок Болотова, которая посвящена военной службе, то сначала содержание их примерно одинаково: поход, вступление в прусский город, его описание с упоминанием нравов его жителей и, наконец, размещение на зимних квартирах в доме купца, имеющего нескольких дочерей. И именно с этого момента начинаются расхождения.

Хомяков пишет о своих впечатлениях романтически-возвышенным слогом. «Сии обожания достойные девицы столь были прекрасны, что казалось, будто бы природа истощила все свое искусство к дополнению их красоты; но как бы то ни было, Элиза пред своими сестрами имела отличные дарования, которые могли тронуть и самое нечувствительное сердце».[11] Болотов же в аналогичной ситуации испытывает совсем иные чувства и описывает происходящее прагматически-отстраненно: «Я слыхал, что можно и против воли своей влюбиться, а дочери г. Розенштрауха не таковы были дурны, чтоб не могли никому вперить к себе любовного пламени. Некоторые из них были довольно хороши, и хотя ни одну из них не можно было почесть красавицею, но все до одной были разумные и очень хорошо воспитанные девушки... А особливо опасался я одной из середних, которую звали Елеонорою и которая превосходила всех своих сестер и красотою, и разумом, и приятностью своих поступков и обхождения».[12] В результате он, несмотря на утверждение, что «сердце было (в нем.— *А В.*) не топорной работы, а рождено было уже с нежнейшими чувствованиями»,[13] прилагает все усилия, чтобы оградить себя от любовного чувства: «Пропади она, эта любовь и со всеми ея сладостьми! Мне

---

[8] *Сиповский В В* Очерки из истории русского романа СПб , 1909 Т I Вып 1 С 671

[9] Жизнь и приключения Т II С 143

[10] *Хомяков П З* Указ соч Ч I С 42

[11] Там же С 18

[12] Жизнь и приключения Т II С 387–388

[13] Там же С 285

как можно надобно от нее остерегаться. Заразит проклятая, так и сам себе не рад будешь!»[14] Подобное отношение Болотова к любовному чувству обусловлено его «философией счастья», подробно изложенной им в «Путеводителе к истинному человеческому счастию» (1784). В самом общем виде применительно к жизненной практике эта философия заключается в том, чтобы научиться довольствоваться неубыточными наслаждениями, дальновидно избегая тех, за которые придется дорого платить Очевидно, и любовь относится как раз к последним и может быть с успехом заменена, например, чтением любовных романов.

Но расхождения в поведении и оценке сложившейся ситуации объясняются не только разными жизненными позициями авторов. Именно с этого момента можно говорить о принципиальном жанровом различии текстов Хомяков начинает активно внедрять в повествование романные элементы, тогда как Болотов остается в рамках выбранного жанра мемуаров.

«Похождение одного россиянина...» представляет собой компиляцию авантюрного романа и мемуарно-исторического повествования. Влияние на Хомякова авантюрного романа проницательно отметил и Болотов: «. .господину сочинителю, ничего порядочно неучившемуся, а, как видно, читавшему только несколько романов и книг, к несчастию захотелось еще умничать и украшать свою повесть, но совсем некстати и невпопад и вовсе неумеючи, таким слогом, какой нимало ей неприличен, и наполнять ее множеством таких слов, речений и фигур, которые столь же ей неприличны, как к дурной корове богатое и великолепное седло».[15] Злоупотребление различными риторическими фигурами, характерными для романного слога, например при описании природы, в сочетании с бытовыми подробностями действительно зачастую создает комический эффект: «На другой день, при восхождении багряной Авроры, пошел я к своему родителю ..»;[16] «Как скоро птицы начали от пения умолкать в дремучих лесах и прохладных долинах, вся окружность Мемеля покрылась уже снегом, то тогда приказано было нам от главной команды, чтоб второму батальону немедленно соединиться с первым»;[17] «Все лето занимались мы таковыми упражнениями (военными учениями.— *А В*), и когда появилась жестокая неприятельница сего годового времени, тогда и мы, оставя полевое жилище, перешли на квартиры».[18]

Романизация повествования наблюдается также и на сюжетном уровне. В записках Хомякова налицо тщательный отбор фактов, достойных, по его мнению, описания: это любовные похождения автора и его военная служба, причем в последнем случае в центре находится уже не сам герой, а едва ли не вся русская армия. Эти две линии достаточно четко распределены по двум частям книги: первая часть представляет собой описание любовных приключений автора и заканчивается его женитьбой,

---

[14] Там же С 385
[15] Мысли и беспристрастные суждения С 197
[16] *Хомяков П З* Указ соч Ч I С 118
[17] Там же Ч I С 30–31
[18] Там же Ч I С 61

а вторая преимущественно посвящена описанию военных походов и заканчивается отставкой. При этом факт отбора материала для повествования в соответствии с собственным представлением о том, что может быть интересно читателю, эксплицирован Хомяковым в самом тексте и свидетельствует, что именно эти две стороны своей жизни Хомяков полагал интересными для читателя (по существу, одну частную, а вторую — общественную). В предисловии он пишет: «С самых тех пор, как начал я себя чувствовать, вел журнал своим похождениям, а особенно тому, что по моему мнению хотя мало достойно быть казалось примечания».[19] В первой части он считает основной линией повествования свои любовные похождения: «Думаю я, что мой читатель чувствует некоторую досаду от сего, что медлю я уведомить его о моих любовных обстоятельствах».[20] Во второй же сознательно избегает подробностей частной жизни, как например при описании своих чувств, вызванных рождением дочери: «В то самое благополучное для меня время произносил я столько восхитительных слов, что теперь и упоминать их не могу; и так, не упрекая себя в слабой памяти, предаю я оныя забвению потому, что кажется мне они и для читателя не очень надобны».[21]

Таким образом, сфера частной жизни ограничивается для Хомякова любовной интригой, и после свадьбы он может представлять интерес для читателя только как член социума и свидетель неких исторических событий Такое отношение к любви как единственной или доминирующей сфере частной жизни характерно прежде всего для романа.[22] И, вероятно, только в своих любовных приключениях мог Хомяков усматривать черты романа в собственной жизни. Романизация произведения начинается именно с попытки ввести в него любовную интригу. Причем любовная линия вводится по схеме авантюрного романа: герой перемещается в пространстве, влекомый разного рода обстоятельствами, и на каждом новом месте влюбляется заново и каждый раз смертельно. Так, Хомяков пишет, что его прощание с первой возлюбленной длилось пять часов с поочередной потерей сознания и горестными восклицаниями. Страдает он, впрочем, не долго и на следующей квартире влюбляется вновь. Призвав на помощь камердинера, герой[23] назначает своей возлюбленной свидание, во время которого между ними происходит объяснение. Он обращается к своей возлюбленной с «вытверженным» (по его собственным словам) из книг любовным признанием: «Небо, лишенное солнечного светила, ожидает скорого восхождения луны; так подобно и я, дражайшая А..., упоенный к вам любовью, ожидал вас сюда. Взор ваш при первом свидании столь сильно умел меня поразить, что я, лишась всей вольности, с тех пор сделался вашим пленником. Откройтесь мне, обладательница

---

[19] Там же Ч I С 5 ненум.

[20] Там же Ч I С 23

[21] Там же Ч I С 166

[22] О роли и функции любовного романа в России XVIII века см *Сазонова Л И* Переводной роман в России XVIII века как ars amandi // XVIII век Сб 21 Памяти П Н Беркова СПб , 1999 С 126–139

[23] В данном случае такое определение кажется правомерным, так как мемуарист превращается здесь в героя романа

души моей, хотите ли вы мне даровать свободу, или повелеваете до самого гроба носить тяжкие сии оковы?»[24] В ответ «дражайшая А» проявляет неожиданный практицизм и говорит, что если он хочет на ней жениться, то должен готовиться к препятствиям со стороны ее родителей, которые вряд ли позволят ей выйти замуж за иностранца. Герою ничего не остается делать, как сказать, что «чувствования» его «совершенно сходствуют» с ее и предложить ей руку и сердце. Этот забавный диалог, который на первый взгляд выглядит безусловной компиляцией романного и мемуарного типов повествования, тем не менее мог иметь место в действительности. Объяснение происходило по-немецки, и если допустить, что в основе данного эпизода лежит факт реальной биографии автора, то Хомякову, плохо владевшему этим языком, возможно, на самом деле пришлось позаимствовать текст любовного признания из романов. Но Болотов, который, вероятно, обратил внимание на комическую контрастность данного диалога, мог не принять во внимание «языковой фактор», так как сам он хорошо говорил по-немецки и смог бы при необходимости признаться в любви без помощи книг.

Помимо доминирования любовной интриги и соответствующего стиля необходимо отметить ряд других свидетельств романизации прозы Хомякова. В частности, Сиповский выделил три момента, в которых влияние авантюрного романа особенно очевидно: описания природы, обилие нравоучительных сентенций и особая роль судьбы в жизни героя.[25]

Герою авантюрного романа полагалось быть подверженным гонениям судьбы. Поэтому иногда Хомяков, видимо, не находивший в своей жизни достаточно подходящих примеров подтверждения того, что он был «не что иное, как невольник злосчастной судьбы»,[26] склонен к их изобретению. Объяснившись с будущей женой и предчувствуя препятствия женитьбе, которые будут чинимы со стороны его отца и полкового командира (никак, впрочем, не мотивированные, в отличие от тех, о которых предупреждала его невеста), он разражается длинным монологом о превратностях судьбы и даже заранее, еще до разговора с ними, помышляет о самоубийстве.

Категория судьбы у Хомякова сопоставима с категорией Божественной воли у Болотова. Герой записок Болотова сам строит свою жизнь, согласуя ее с волей Творца, что ставит его на более высокую ступень, чем та, на которой находится герой мемуаров Хомякова,— игрушка в руках судьбы. Жизнь, подобная болотовской, может быть показательна, так как является сознательно выстроенной, жизнь же Хомякова — цепь случайностей (впрочем, не исключительных), не достойная быть описанной в книге. Поэтому у Болотова вызывает возмущение тот факт, что свои записки Хомяков предназначает для печати (книга приписана «всем читателям вообще, а особливо любителям долговременных путешествий»): «Истинно понять невозможно, что бы побудило его подарить публику таким подарком. Вся довольно длинная его повесть не вмещает в себе

[24] *Хомяков П З* Указ соч Ч I С 92–93
[25] *Сиповский В В* Указ соч Т I Вып 1 С 671
[26] *Хомяков П З* Указ соч Ч II С 197

никаких приключений, которые сколько-нибудь были важны, редки, любопытны и могли хоть несколько занять читателя, а вся состоит она в повествовании о самых мелочах, ничего не значущих ездах, походах, службах и волокитах».[27]

Сам Хомяков оправдывает обилие подробностей истинностью описываемых событий: «Я думаю, может быть, что причиняю в благосклонном читателе некоторое неудовольствие и скуку частыми повторениями о лагерях; но сего никак умолчать не можно, потому что сие происходило в самой сущности. И когда я пишу не выдуманное какое-либо повествование, то и за нужное почитаю с моей стороны подробно писать о всем том, что ни происходило».[28] На деле Хомяков отнюдь не всегда следует закону «истинности» повествования, если подразумевать под этим не только содержательную сторону. Несмотря на то что записки Болотова неоднократно им перерабатывались, причем в соответствии с определенной установкой, автор всегда проводит четкую границу между тем, что он видел лично и что знал из других источников, и избегает говорить о тех событиях, которые не могли быть ему известны. Например, в рассказе об одном из своих предков, включая внутренний монолог другого человека, Болотов объясняет, что именно в таком виде услышал его от одной пожилой родственницы.[29] Хомяков же в своем произведении постоянно превышает полномочия мемуариста, выступая как повествователь романа, который может быть свидетелем сразу нескольких, одновременно происходящих событий: «Теперь, оставя господина Ф... Б..., поспешающего с деташементом своим на помощь господину С..., обратимся к подполковнику К...».[30]

Но даже последовательно выдержанная истинность повествования, определяющая принадлежность текста к мемуарному жанру, еще не является, по мнению Болотова, достаточным основанием для обнародования этого текста: он должен либо содержать некие исключительные события (как мемуары исторического деятеля, например), либо выполнять дидактическую функцию (как мемуары самого Болотова).

Все записки Болотова — проповедь его жизненной философии. Он строит мемуары как доказательство действенности этой философии на примере собственной жизни. Этой установкой определяется и предполагаемый адресат произведения. Мемуары Болотова рассчитаны прежде всего на узкий круг лиц, которому автор осмеливается предложить свое завуалированное нравоучение. Они написаны в форме писем к вымышленному «любезному приятелю», который якобы побудил его «предпринять подобный труд»: «Вы уговорили и уверили меня, что в происшествиях, бывших со мною, и без того много кой-чего такого найдется, о чем можно писать и рассказывать и о чем как вам, так и потомкам моим, можно будет не без удовольствия и любопытства читать и слушать».[31]

---

[27] Мысли и беспристрастные суждения... С. 196.
[28] *Хомяков П. З.* Указ. соч. Ч. I. С. 15.
[29] Жизнь и приключения... Т. I. С. 14–15.
[30] *Хомяков П. З.* Указ. соч. Ч. I. С. 156.
[31] Жизнь и приключения... Т. I. С. 3.

При этом истинными адресатами его мемуаров являются потомки: «Письмы сии назначиваются не для одних вас, но вкупе и для детей моих и потомков, мне так хотелось сохранить и для них память как о себе, так и о моих предках; а как для нас, потомков, мила и любопытна и самая малейшая черта из жизни наших предков, то и рассудил я заметить все, что я мог только помнить».[32] Этим Болотов объясняет подробность своих записок, которые содержат самые незначительные происшествия: «А как писал я сие не в том намерении, чтоб издать в свет посредством печати, а единственно для удовольствования любопытства моих детей и тех из моих родственников и будущих потомков, которые похотят обо мне иметь сведения, то и не заботился я о том, что сочинение сие будет несколько пространно и велико, а старался только, чтоб чего не было пропущено; почему в случае, если кому из посторонних случится читать сие прямо набело писанное сочинение, то и прошу меня в том и в ошибках благосклонно извинить».[33] Из последних слов со всей очевидностью следует, что Болотов не исключал возможного чтения записок посторонними лицами, но не считал все же возможным адресовать им свой труд непосредственно. Описание его частной жизни, со всеми ее мелочами, предназначено прежде всего для тех, кому интересна именно его личность, т. е. родственникам и знакомым.

С другой стороны, имея в виду более широкий круг читателей, Болотов пишет мемуары с целью создания образа в своем роде некоего божественного избранника. Ряд эпизодов, например, таких, в которых Болотов неоднократно подвергается смертельной опасности, свидетельствует о том, что Господь хранит автора записок, что напрямую связано с его верой в Творца и добродетельным поведением: «Всякий раз, когда размышляю я о течении моей жизни и о всех, бывших со мною происшествиях, примечаю я в оной многие следы особливого божеского обо мне Промысла и вижу ныне очень ясно, что и наиглавнейшими происшествиями со мною не инако, как неведомая рука Господня управляла...»[34] С этой точки зрения, мемуары Болотова могут рассматриваться как произведение в высшей степени нравоучительное, и, вероятно, именно так Болотов расценивал функцию и назначение частных записок вообще. Повествование о частной жизни имеет право на существование только в том случае, если самой *неисключительностью* может служить примером «правильного» поведения для простых смертных. При этом оно должно быть повествованием именно о частной жизни, достаточно детально описанной, так как в противном случае картина будет недостаточно полной.

Следует отметить, что Болотов никогда не делает из случаев своей жизни выводов о жизни вообще — лишь о своей собственной. Хомяков же склонен к как можно более широким обобщениям нравоучительного свойства, характерным для авантюрного романа. Подобные обобщения делаются на основании частных, бытовых ситуаций, таких, как например эпизод бегства денщика, за которым следует пространная тирада, начина-

[32] Там же. С. 129–130.
[33] Там же. Т. I.
[34] Там же. С. 672.

ющаяся словами «О век! Век коловратный! Коликие бывают в тебе приключения, коликие опасности и огорчения!»[35] Кроме того, Хомяков делает неприемлемое для Болотова, но характерное для романа обобщение, позволяющее предположить, что каждый достоин заботы Творца: «О жизнь! коль многим ты подвержена опасностям; но когда всевидящее око, хранящее все наши стези, не прерывает нить жизни нашей и охраняет от всех нас бедствий, то и самая опасность вредить нам нимало не может».[36] Болотов создает свои мемуары, чтобы доказать обратное: только тот, кто добродетельным поведением и богопочитанием заслужил Божественную милость, имеет право на нравоучение, да и то не прямое, а на собственном примере

Таким образом, можно предположить, что активное неприятие Болотовым книги Хомякова было вызвано прежде всего ее компилятивным характером и жанровой невыдержанностью на разных уровнях. Эту особенность книги Хомякова неоднократно отмечали исследователи. Сиповский назвал мемуары Хомякова «романизированными записками о действительных приключениях автора»[37] в духе романов Прево. В. П. Царева отметила, что «в произведении присутствует стремление осознать события собственной жизни как романный сюжет».[38] В примечаниях к публикации «Мыслей о романах» Болотова А. Кучеров писал: «Похождения некоторого россиянина принадлежат к мемуарно-анекдотической прозе»[39] При нераспространенности термина «мемуарно-анекдотическая проза» использование его кажется вполне уместным, как и параллели, проводимые Кучеровым с такими текстами, как «Десятилетние странствования унтер-офицера Ефремова» (1786) или «Несчастные приключения Василия Баранщикова» (1793). В данном случае можно говорить о формировании определенной жанровой разновидности, стоящей на стыке романного и мемуарного типов повествования и вызванной к жизни стремлением с большим или меньшим основанием романизировать собственную биографию Справедливо также и указание Кучерова на связь подобных текстов с прозой М Д. Чулкова, изобиловавшей как авантюрными, так и бытовыми элементами и часто тяготевшей к анекдоту. Влиянием Чулкова (или наличием у Чулкова и Хомякова общих источников) можно объяснить и лишь косвенно мотивированное включение в текст нескольких сказок, что также было отмечено Болотовым в ряду недостатков: «Но что всего смешнее и нескладнее: то неизвестно уж совсем, для чего вздумалось господину сочинителю сей книги посреди самой своей повести и поместить несколько сказочек, из коих одна другой глупее и нескладнее; и помещены тут, как в пословице говорится, ни к селу, ни к городу и ни малехонько некстати».[40]

---

[35] *Хомяков П З* Указ соч Ч II С 148

[36] Жизнь и приключения Т I С 144

[37] *Сиповский В В* Указ соч Т I Вып 1 С. 671

[38] *Царева В П* Становление романа в русской литературе 60–90-х годов XVIII века Л , 1978 Автореф дисс канд филол наук С 16

[39] Мысли и беспристрастные суждения С 219

[40] Там же С 197

Точка зрения Болотова на роман в данном случае отражает определенный этап развития этого жанра, преодоление которого было начато в прозе таких авторов, как Г. Филдинг или Л. Стерн. В творчестве этих писателей при всем различии в повествовательной манере и понимании задач романа как жанра была сделана попытка ввести сам процесс создания романного мира в ткань повествования и тем самым решить противоречие между достоверностью и вымыслом. Роль метасюжета в такой прозе определил Ю. В. Манн: «Назначение „рефлексии“ в том, чтобы генерализовать частное, привести к нему жизненные и литературные параллели, найти изображаемому место в общей картине мира».[41]

Данная ситуация интересна еще и тем, что демонстрирует неосознанное для автора-дилетанта зарождение на периферии литературы приема, свидетельствующего в данном случае о новом этапе существования романного жанра, получившего дальнейшее развитие в произведениях других авторов. Возможно, такой случай не является единичным, и поэтому при изучении некоторых основных культурных тенденций обращение к творчеству «второстепенных» авторов и даже авторов-графоманов является необходимым.

---

[41] *Манн Ю. В.* Автор и повествование // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. М., 1994. С. 440.